

Россия, Россия... Тринадцатый год

Н.И. СУСЛОВ, доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск. E-mail: nsus@academ.org

В статье делается попытка суммировать основные тезисы трех других статей подборки. Автор констатирует, что за сто лет, прошедших с 1913 г., многое изменилось, и, все же Россия так и не определилась со своим путем развития.

Ключевые слова: прогнозы развития экономики России, источники роста, исторические параллели

Будущее экономики России продолжает видеться довольно неопределенным. После кризиса 2009 г. планы экономического развития стали куда скромнее, чем в предыдущие годы. В перспективе до 2030 г. из трех разработанных МЭР РФ вариантов развития¹ ни один не дотягивает по ожидаемым темпам до среднего за предкризисное десятилетие уровня. Даже по так называемому «прорывному» варианту, разработанному специально, чтобы соответствовать требованиям президента России, выдвинутых им в мае 2012 г. сразу после своей инаугурации, среднегодовой темп прироста ВВП за 20 лет должен составить 5,2%, что почти на 1,5 п.п. ниже среднего значения предкризисного десятилетия – 6,6%. «Инновационный» же вариант предусматривает еще более низкие темпы прироста – на уровне 4%.

Видимо, в ближайшие десятилетия перспективы России достаточно пессимистичны: являя ожидаемая внешняя конъюнктура и явная неспособность страны использовать какие-либо конкурентные преимущества, кроме тех, что связаны с обладанием обильными и дешевыми топливно-энергетическими и сырьевыми ресурсами, рента от которых приносит нам все меньше пользы, препятствуют инвестициям, хотя и позволяют пока поддерживать бездефицитный бюджет. Приток

¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. – С. 55. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://www.economy.gov.ru>

валюты в страну создает, пожалуй, больше проблем, чем выгод. Завышенный валютный курс рубля является одной из причин стагнации промышленности.

Сумеет ли Россия изменить модель развития и задействовать внутренние источники роста, основанные на работающем механизме привлечения и использования инвестиций, – ключевой вопрос. Если сумеет, то можно будет ожидать появления спроса на инновации, структурной рестройки и обновления производства с переходом на пятый и затем шестой технологические уклады. Если нет, то развитие России может пойти таким образом, что даже консервативный вариант – третий из разработанных МЭР РФ и предполагающий рост ВВП на уровне чуть более 3% в год, покажется счастьем.

Во всяком случае, совершенно понятно, что изначально ожидавшийся рост в 2013 г. на уровне 3,5–3,8% не просто не будет достигнут, но явится источником сильного разочарования. Профессор А.О. Баранов, безусловный авторитет в сфере макроэкономического анализа, ожидает, что темп прироста ВВП составит лишь 1,5% (см. его статью «Замедление экономического роста в России и перспективы его преодоления» в настоящей подборке). И с ним нельзя не согласиться при взгляде на оперативную статистику Росстата. Очень похоже, что страна вползает в новую рецессию. Об этом говорят и нулевой рост промышленного производства, и снижение абсолютного объема инвестиций. Да, результаты за текущий год выглядят плохо даже с пессимистических позиций, формируемых консервативной траекторией роста.

Следующий вопрос – отражают ли такие темпы долгосрочные тенденции развития российской экономики, или это действительно временное явление, т.е. на самом деле стагнация, переходящая в рецессию, которая закончится вслед за устранением факторов, ее породивших. Нам показалось, автор склоняется к тому, что замедление темпов роста экономики России есть результат воздействия и временных конъюнктурных факторов, и коренных, и просчетов в текущей экономической политике, и долговременных тенденций. Как макроэкономист, хорошо разбирающийся в вопросах денежного обращения, создания денежной массы, А.О. Баранов делает акцент на монетарных методах регулирования и отстаивает позицию

полезности более активной денежной политики, увеличения предложения денег, чтобы снизить ставки кредитования и сделать кредитные ресурсы доступнее для частного сектора. Как пример успешной денежной экспансии, наверное, можно рассматривать США и отчасти Европейский союз, где реальные процентные ставки уже долгое время удерживаются в отрицательной зоне. Возможно, без этих мер денежного смягчения ситуация в указанных странах была бы еще сложнее, чем она есть сейчас.

Но вспомним бессмертные строки Тютчева про «особенную статью» России. Их можно понимать и так: то, что на Западе приносит успех, совершенно необязательно будет работать в нашей стране. Во-первых, возникает вопрос: почему увеличение реальной денежной массы на 6% за период, как можно понять, не превышающий один год, – это мало, как утверждает уважаемый ученый? А сколько надо? При равных прочих условиях выпуск должен был бы возрасти тоже на 6%, но этого не произошло, поскольку одновременно увеличивались ставки процента по кредитам. Конечно, для ответа на данный вопрос следовало бы привлечь данные об объемах кредитования. По данным ЦБ России², с 1.09.2012 г. по 1.09.2013 г. объем всех размещенных кредитов и депозитов вырос с 23,7 трлн руб. до 28,3 трлн руб., или на 19%. Почему этого мало? Думается, это следовало бы прояснить. Во-вторых, хотелось бы также понять, в какой мере монетарные власти реально могут управлять ставкой по кредитам: может быть, и помимо динамики денежной массы есть какие-то условия, которые тоже воздействуют на ставку процента?

А, в-третьих, точно ли в складывающихся условиях снижение ставки процента и рост денежной массы могут сильно помочь экономике, увеличив ее инвестиционные возможности? Есть подозрение, что объемы инвестиций падают не только потому, что, как говорят, «экономическим агентам» не хватает ликвидности, а еще и потому, что не хватает и стимулов эту ликвидность инвестировать. Общий пессимизм – плохие ожидания относительно будущего экономического развития – становится все более важным игроком на поле

² Данные ЦБ РФ. URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/

российского бизнеса. Причины его глубоки и имеют серьезную предысторию, берущую свое начало в особенностях административно-командной системы, которая и до сих пор не потеряла власть в России. Речь идет об элитах общества, которые в «тучные годы» формировались по советскому типу. У них есть и общее дело – дележ природной ренты. В самом деле – зачем инвестировать, если ты «свой», и твоему крупному и социально значимому предприятию полагается определенный кусок рентных доходов страны в виде низких цен на энергоресурсы и услуги инфраструктуры, а также в виде оплаты заказов на твою продукцию, по возможности обеспечиваемых государством? И есть ли смысл инвестировать, если ты «не свой» и не входишь в цепочки распределения ренты? В этих условиях, даже если средства имеются, риск потерять их пропорционален объемам инвестирования.

Интересен взгляд Александра Олеговича Баранова на проблему степени использования производственных мощностей. Он утверждает, что она недопустимо высока и также усиливает стагнацию, по-видимому, увеличивая издержки. Дефицит же мощностей есть следствие недоинвестирования экономики, что нельзя не признать уже долгосрочным фактором стагнации и спада. Думается, что данный тезис близок к адекватному отражению реальности. Согласно официальным данным, производственные фонды в российской экономике изношены в среднем на 48%³, что очень много: в мировой практике более или менее приемлемым считается износ на уровне 40% от стоимости основного капитала. Но у нас сейчас в сфере транспорта и связи он составляет 56%, в добывающей промышленности и строительстве также превышает 50%, очень сильно изношен капитал в социально значимых сферах – здравоохранении, образовании, обеспечении обороноспособности, износ рыболовецкого флота составляет почти 2/3.

Что касается степени загрузки мощностей, то есть отрасли, где она уже «под завязку», например в металлургии, некоторых сферах производства конструкционных материалов, в добывающих отраслях. Вместе с тем средняя загрузка пока что существенно меньше, чем в 1990 г., а по сравнению

³ Здесь и далее – данные с сайта ФСГС РФ.

с 2008 г. в 2011 г. (последние доступные данные) она снизилась примерно на 8%. Но, конечно, остро стоит проблема их обновления и воспроизводства. И снова нужны инвестиции.

С ограничениями на объем производственных мощностей, как нам кажется, связана оценка привлекательности еще одного варианта стимулирования роста экономики России – искусственного увеличения инвестиций. Речь идет о финансировании крупных инфраструктурных проектов из средств Фонда национального благосостояния. Мера, возможно, и полезная, но может дать эффект лишь тогда, когда в экономике имеется достаточный запас свободных мощностей и ресурсов дополнительной рабочей силы. В противном случае этот «сдвиг линии IS» приведет главным образом к росту цен и ставки процента. Последнее, очень возможно, имело место и раньше: рост расходов государства, даже если они финансируются формально не из бюджета, как правило, дает эффект вытеснения частных инвестиций, вызываемый удорожанием кредитов, – как раз то, с чем, по замыслу А.О. Баранова, призвана бороться политика монетарного расширения.

Интересно заглянуть на сто лет назад в знаковый для России год – 1913-й, и еще глубже в историю страны, к моменту освобождения крестьянства, а затем – к началу индустриальной эры (1880-е гг.), что и сделано в интереснейшей статье профессора В.И. Клисторина. Автор с присущим ему мастерством обобщения и опираясь как на научные источники, так и на беллетристику, представляет краткую, но комплексную зарисовку российского общества, не ограничиваясь только экономикой. Главное – он хочет продемонстрировать, что укоренившиеся представления о фатальном отставании России от ведущих экономических держав мира основаны на мифах, созданных как западными, так и отечественными интеллектуалами.

Взгляд на Россию со стороны, пожалуй, во многом похож на сегодняшние представления о ней, которые можно найти и в иностранных СМИ, и в некоторых научных публикациях. Не будем обсуждать, насколько представления об отсталости нашего общества справедливы сейчас, оставим это истории, но тогда, в последние десятилетия существования Российской империи, ее отставание от четверки мировых лидеров –

США, Германии, Великобритании и Франции⁴ – не было столь уж сильным. И главное – это отставание достаточно быстро преодолевалось по многим показателям (может быть, кроме разрыва с США), в особенности начиная с 1890 г. по примерно 1900 г., когда национальный доход России, если опираться на данные П. Грегори, вырос более чем вдвое, а годовые темпы прироста были самыми высокими в мире.

Можно отметить две особенности экономического роста России в конце XIX – начале XX вв. Во-первых, как отмечает В.И. Клисторин, ее экономика росла при очень быстром увеличении населения. Сравнимые темпы, хотя и чуть меньшие, демонстрировали США, но там большую роль играла иммиграция. В России увеличение населения основывалось на естественном приросте, причиной которого как раз и было улучшение условий жизни. Такой процесс носит черты мальтузианской модели, по которой производство средств существования лимитирует естественный рост населения, а следовательно, скорость увеличения народонаселения, являясь важным результатом развития, в данном случае свидетельствует о больших экономических успехах. Этим объясняется и тот факт, что рост душевых доходов в России, как и других душевых показателей, выглядит скромнее. В 1913 г. производимый доход на душу населения составил лишь порядка 16–17% от уровня Штатов (1/6 как пишет Клисторин со ссылкой на П. Грегори). Интересно, что сейчас данное соотношение оценивается международными организациями примерно вдвое выше – 30% от уровня США. Но здесь современной России, безусловно, помогает рента, создаваемая в нефтегазовом секторе.

Другая черта экономического роста в Российской империи в этот период – доминирование сельскохозяйственного производства. Так, за 30 лет, начиная с 1883 г., доля национального дохода, создаваемого в сельском хозяйстве, снизилась с 57 до 51%⁵, что нехарактерно для других развитых стран, которые вступили в XX в. со значительно меньшими

⁴ Как и от Австро-Венгрии. Но этого государства более никогда не было на карте – оно распалось после первой мировой войны.

⁵ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – С. 63.

долями сельского хозяйства, зачастую на 20–30 п.п. ниже российских. Хотя производительность труда в сельском хозяйстве росла

медленнее, чем в промышленности, в 1913 г. Россия уступала по зерновым сборам на душу населения из европейских стран лишь Румынии⁶, в то время всецело аграрной стране. По валовым сборам Россию обгоняли только США, где урожай «четырёх главных хлебов» был на четверть больше российского. В абсолютном же выражении российский урожай зерновых, по неполным данным, достиг 4203 млн пудов⁷, или 67 млн т. Это составило более четверти валового сбора зерна 19 первых государств мира, включая европейские, а также США, Канаду, Аргентину, Австралию и Японию. В этот год Россия экспортировала 8 млн т зерновых. Это цифры вполне сопоставимы с современными данными. Также очень неплохо выглядят позиции России и в области животноводства.

Обе эти особенности экономического роста России характеризуют данный процесс как весьма двойственный. С одной стороны, они свидетельствуют о некоторой архаичности модели роста, характерной для ранних этапов индустриализации. С другой – данный факт означает и то, что потенциал индустриального роста в стране был задействован лишь в небольшой мере, а, следовательно, его дальнейшие перспективы, не реализованные ввиду известных событий, могли быть грандиозными. Фактически потенциально у России был лишь один конкурент – США, где населения было почти вдвое меньше, чем в Российской империи.

Жизненный уровень населения России тоже не следует принижать. Как отмечает профессор В.И. Клисторин, статистические данные свидетельствуют, что реальные доходы как индустриальных рабочих, так и крестьян постоянно росли. Здесь уместно сослаться на авторитет. Достоянием общественности стали высказывания Н. С. Хрущева на завтрак в его честь, устроенном 19.09.1959 г. киностудией «XX век-Фокс».

⁶ По данным Д.М. Анфимова. См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917. Разд. II, VII., приведены на сайте: URL: http://publicist.n1.by/conspects/conspect_russia-1913.html (дата обращения: 21 ноября 2013 г.).

⁷ Там же.

Он вспоминал: «Я женился в 1914-м, двадцати лет от роду. Поскольку у меня была хорошая профессия (слесарь), я смог сразу же снять квартиру. В ней были гостиная, кухня, спальня, столовая. Прошли годы после революции, и мне больно думать, что я, рабочий, жил при капитализме гораздо лучше, чем живут рабочие при Советской власти. Вот мы свергли монархию, буржуазию, мы завоевали нашу свободу, а люди живут хуже, чем прежде. Как слесарь в Донбассе до революции я зарабатывал 40–45 рублей в месяц. Черный хлеб стоил 2 копейки фунт (410 граммов), а белый – 5 копеек. Сало шло по 22 копейки за фунт, яйцо – копейка за штуку. Хорошие сапоги стоили 6, от силы 7 рублей. А после революции заработки понизились, и даже очень, цены же – сильно под-нялись...»⁸. Он же писал в своей книге «Воспоминания»: «...иной раз брали грех на душу и говорили, что в старое время, дескать, жилось хуже. Грех потому, что хотя и не все, но высококвалифицированные рабочие в том районе Донбасса, где я трудился, до революции жили лучше, даже значительно лучше»⁹.

Мировая война, затем две революции, годы террора, снова война и снова социальные потрясения XX века не позволили Российской империи, а затем России реализовать свой потенциал. Индустриализация в СССР лишь возобновила рост в России, при этом подорвав ее демографический потенциал и значительно обескровив село. Насколько эти события были закономерны, а насколько оказались... неожиданными? Дискуссии по этому поводу идут уже 100 лет. Очевидно, по крайней мере, что нашлись очень серьезные обстоятельства, которые способствовали краху империи. Теперь мы называем их неблагоприятными институциональными условиями. Как нам кажется, В.И. Клисторин и здесь весьма близок к истине, когда характеризует российское государство как бюрократизированное и «полицейское», хотя куда уж там государству Российской империи до стандартов СССР, да и России современной! Наверное, главное, что привело к октябрьской

⁸ URL: <http://www.trudoviebudni.ru/index.php?view=content&do=read&id=163> (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).

⁹ Хрущев Н.С. Никита Хрущев. Воспоминания. – М.: Вагриус, 1997. – 560 с.

катастрофе – недоверие и непонимание между «верхами» и «низами» – властью и обывателями. Традиции бюрократии и коррупции имеют в нашей стране глубокие исторические корни, и, возможно, восходят еще к системе «кормления» должностных лиц населением городов и волостей, возникшей не позднее XIII в. и просуществовавшей до середины XVI в.

Почему недоверие к власти так усилилось в начале века XX? Власть упала, когда сделалась в глазах обывателей смешной. Этого потом не допускала коммунистическая элита: страх долго оставался сильнее анекдотов. А тогда русский царь перестал быть помазанником Божьим. Этому, конечно, способствовало растущее воровство как в высших эшелонах власти, так и на всех уровнях бюрократии.

Можно отметить определенное сходство проблем сегодня и сто лет назад – рост коррупции, сильная неоднородность общества, терроризм и межнациональные конфликты. Несмотря на зачастую огромное увеличение душевого производства индустриальных товаров, Россия сейчас остается во многом сырьевой державой, в основе экономики которой – нефть и газ, как в царской России – сельскохозяйственная продукция. И сегодня и тогда экономика страны может классифицироваться как экономика догоняющего развития.

И все же Россия нынешняя сильно отличается от той, «которую мы потеряли». В «той» России совсем иными были демографические проблемы: относительный избыток населения – задел взрывного развития в будущем – вместо его абсолютного сокращения в 1990-е гг. и в начале века нынешнего. Впереди могла быть индустриализация, которая вместо разоренных сел российской глубинки могла бы породить богатые поселения «кулаков», живущих в больших каменных домах на заасфальтированных улицах, какие мы сейчас видим в Европе, и крупные фермы. В «обеих Россиях» имело и имеет место недоинвестирование. Но в России «той» инвестиций было мало, потому что это был только старт. Сейчас инвестиций не хватает для замены устаревшего капитала, структурных сдвигов и перехода на современные технологические уклады, потому что инвестировать опасно. Эти

проблемы – более сложные, чем проблемы индустриального роста.

Распространенное мнение о том, что политика царской России была провальной не только внутри империи, но и на внешней арене, развенчивает К.И. Зубков в своей очень информативной и прекрасно написанной статье «Восточный вектор российской геополитики в 1913 году». Как становится ясным, российская дипломатия накануне мировой войны сумела во многом отыграть потери русско-японской войны, найти с бывшим врагом точки соприкосновения и договориться о разделе интересов. России удалось исключительно мирным путем продвигать свои интересы в районах Маньчжурии, северном Китае, Урянхайском крае (Туве) и получить значительные преференции во Внешней Монголии, что потом было утрачено. Возможно, эта утрата и явилась одной из причин возобновления военного противостояния, закончившегося необъявленной войной на Халхин-Голе в 1939 г.

Ситуация, складывавшаяся тогда, в начале XX века на мировой арене, чем-то напоминает сегодняшнюю: трения в Европе, усиление значимости «восточного вектора» российской политики. Тогда проблемы в Европе обернулись мировой войной, сейчас, если новую мировую войну и можно себе представить, то она случится отнюдь не между европейскими странами, которые стали гораздо ближе друг другу. А важность восточной политики усиливается тем обстоятельством, что в Юго-Восточную Азию совершенно явно смещаются центры мирового влияния. В данном контексте исключительно актуально звучит последняя фраза статьи К.И. Зубкова: «Геополитические императивы, таким образом, дополнительно усиливали необходимость внутренней экономической модернизации России и сбалансирования ее территориально-экономической структуры сознательно осуществляемым сдвигом производительных сил на восток».

...Надеемся, что год 2017-й пройдет для России спокойно.